

Евгений Асекретов

Чистое озеро

Евгений Асекретов

Чистое озеро

<https://litres.ru/74439659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сэм Тёрнер, ветеран иракской войны, пытается забыть прошлое в родном городке на берегу озера. Но однажды вода в озере становится пугающе чистой - и мёртвой. Исчезает рыба, смолкают лягушки, а люди начинают вести себя странно: они сидят на берегу рядами, улыбаются и слушают пение, которого никто, кроме них, не слышит.

Когда пропадает его друг, старый историк Норман Кейн, Сэм находит под ивой ржавый цилиндр. Экспериментальная нейротропная среда, созданная военными для сохранения сознания умирающих солдат. Двадцать лет она спала в подземных водах. Теперь она проснулась.

Озеро - это не водоём. Это нейронная сеть. И она растёт. Оно не убивает. Оно предлагает то, что Сэм и все остальные хотят больше всего: прощение. Покой. Конец боли. Но цена - потеря себя.

Евгений Асекретов

Чистое озеро

ГЛАВА 1

Сэм Тёрнер сидел на крыльце и смотрел, как солнце садится за озеро. Пиво было тёплым - какая-то дешёвая дрянь, которую он купил у Бена Галлахера на заправке три дня назад, потому что не хотел тащиться лишние двадцать минут до “Хэннафорда” в Милфорде. Оно грелось в руке, последний глоток отдавал жёстью и кислятиной, но Сэма это устраивало. В жаркий августовский вечер даже тёплое пиво лучше, чем смотреть на стену.

Дом за спиной молчал. Дом всегда молчал - с тех пор как Сара собрала вещи, забрала Эмми и уехала в Кеннебанк-Порт, оставив после себя запах её шампуня в ванной, который выветрился через месяц, и пустую вешалку в шкафу. Вешалка всё ещё там висела. Пластиковая, розовая, с наклейкой “Baby Girl”, которую Эмми прилепила, когда ей было четыре. Сэм не убрал её не потому, что был сентиментален. Просто не видел смысла двигать вещи, которые и так лежат мёртвым грузом.

Озеро перед ним сегодня было странным.

Он заметил это не сразу - такие вещи вообще не замечаешь сразу, они просачиваются в мозг медленно, как вода сквозь старую ткань. Вода у берега, обычно зеленовато-бурая, с маслянистыми разводами у камышей и вечной ряской, которая налипала на вёсла, как мокрые зелёные сопли, сегодня была почти прозрачной. Не “чистой”, как в рекламе бутилированной воды. Просто достаточно прозрачной, чтобы Сэм разглядел камни на дне у своего причала. Он знал эти камни двадцать лет - они всегда были скрыты слоем взвеси. Теперь они лежали, как кости, и пялились в небо. Обглоданные, белёсые.

“Да пошло оно”, - подумал он. – “Ветер переменился. Ряску прибило к другому берегу”.

Он допил пиво и поставил банку на перила. Банка звякнула о дерево, и звук получился слишком громким в вечерней тишине. Сэм поморщился. Тишина тоже была странной. Не просто “тихий вечер”, а какая-то ватная, как будто кто-то выкрутил ручку громкости у всего леса до нуля. Ни сверчков у воды. Ни лягушек. Даже ветер в соснах шумел приглушённо, будто через подушку. Или будто деревья тоже чего-то ждали и не хотели привлекать внимания.

Он вернулся из Залива два года назад. Развёлся через год. Эмми было семь, она жила с Сарой в сорока минутах езды

на старом “Форде”, если не нарушать. Сэм нарушал редко. Не потому, что боялся штрафов. Просто спешить ему было некуда. Он видел дочь раз в две недели, по выходным, и каждый раз, когда она выбегала из дома Сары ему навстречу, он ловил себя на мысли, что боится. Боится, что она заметит: он не совсем тот папа, которого она помнит до его отъезда в пустыню. Тот папа смеялся громче. Тот папа мог подхватить её на руки и кружить, пока у обоих не начинала кружиться голова. Тот папа не вздрагивал от резких звуков, не садился ночами на кухне, уставившись в стену и сжимая в руках кружку с остывшим кофе, пока за окном не начинало сереть.

Таблетки от ПТСР он пил через раз. Доктор Элис Харрис, его психотерапевт, говорила, что это плохо, что сертралин нужно принимать курсом, что от пропусков мир становится только хуже. Она была права, как обычно. Но от таблеток мир становился плоским, как экран выключенного телевизора, и Сэм не мог решить, что хуже: кошмары, которые приходят во сне, или пустота, которая приходит наяву.

Элис Харрис была терпеливой. Задавала правильные вопросы, никогда не смотрела на него как на сломанную игрушку. Почти как Норман.

Норман Кейн. Старый историк, живший на другой стороне озера в покосившемся доме, который он построил вместе с отцом ещё в сорок седьмом. Ветеран Кореи. Единствен-

ный человек в городе, с которым Сэм мог сидеть на веранде, молчать полчаса, глядя на озеро, а потом сказать: “Сегодня снился песок”, - и Норман кивал, потому что понимал. Не спрашивал, какой песок, не лез с советами “просто отпустить”. Он наливал виски, а себе клюквенный сок, потому что врачи запретили ему алкоголь, и говорил: “В Корее был снег. Мне до сих пор холодно, Сэм. Сорок лет прошло, а мне всё ещё холодно”.

Сэм вспомнил это и поёжился, хотя вечер был душным, липким, августовским. С него пот катил градом, футболка прилипла к спине, но по позвоночнику пробежал холодок. Норман. Надо будет зайти к нему завтра. Они не виделись неделю.

В девять часов, когда солнце окончательно ушло за холмы и озеро превратилось в тёмное зеркало с рваной лунной дорожкой, зазвонил телефон. Старый, чёрный, с дисковым набором, который остался от предыдущего владельца дома. Сэм не менял его, потому что менять было лень, а ещё потому, что его резкий, механический звонок не был похож на другие звуки - не напоминал ни взрыв, ни крик, ни сирену. Просто телефонный звонок из мира, где ещё были провода и люди, которые никуда не спешили.

Он снял трубку не сразу. Дал отзвонить три раза - ста-

рая армейская привычка: никогда не показывай, что ты ждал звонка. Даже если ты действительно ждал. Даже если единственный, кто мог позвонить в такое время, - это Сара с плохими новостями, или шериф, или кто-то из старых сослуживцев.

- Тёрнер, - сказал он.

- Сэм, это Бейкер. Шериф Бейкер.

Сэм напрягся. Шериф звонил ему дважды за последние два года. Первый раз - когда Сара подала на развод и попросила его “не приближаться к дому без предупреждения”. Формальность. Бейкер тогда мялся, говорил, что это “просто чтобы всё было по закону, ты же понимаешь”. Второй раз - когда соседский пёс сорвался с цепи и перерыл клумбы миссис Грин. Сэм тогда привязал пса обратно, а на следующий день починил забор. Шериф звонил, только когда случалось что-то, что требовало его участия, но не требовало немедленного вмешательства полиции. Что-то неприятное, но не смертельное. Обычно.

- Слушаю, - сказал Сэм.

- Норман Кейн пропал. Три дня назад. Лодку нашли сегодня утром посреди озера. Вёсла плавали рядом.

В трубке повисла пауза. Густая, вязкая. Сэм слышал, как Бейкер дышит - тяжело, с присвистом. Может, у шерифа тоже было что-то с лёгкими. Может, он просто устал.

- Ты поэтому звонишь? - спросил Сэм. Голос у него был ровный, но внутри что-то уже сжалось в тугой, холодный ком. Не горе - горе придёт позже, если придёт вообще. Скорее, знакомая, расчётливая ясность, как перед боем. - Чтобы сказать, что старик утонул?

Голос Бейкера стал осторожным.

- Я этого не говорил. Но ты знаешь, как бывает. Он мог сидеть вечером, и решить выпить, а потом отправиться на рыбалку. Озеро большое. Глубина до тридцати метров у плотины. Тело может всплыть через пару дней. Или не всплыть. Зависит от температуры воды, от течения, от того, зацепился ли за корягу. Я просто подумал - ты должен знать. Ты ж с ним общался. Ты, считай, единственный, кто с ним общался, кроме кассирши в "Хэннафорде" и почтальона.

- Он не пил.

- Чего?

- Норман. Он не пил. Вообще. У него язва с семьдесят пятого. Врач запретил алкоголь категорически. Он даже пиво не допивал, которое я привозил. Говорил: “Оставь, Сэм, я полю герань”. И выливал “Будвайзер” в горшок с геранью. Герань сдохла через месяц, кстати.

Шериф замолчал. Сэм слышал, как он перекладывает трубку от одного уха к другому.

- Принято, - сказал Бейкер наконец. - Но факт есть факт: лодка пустая, мужика нет. Если хочешь, приезжай завтра, глянешь участок. Может, заметишь чего. Или просто сад приберёшь. Там теперь больше некому. Родственников у Нормана не было, ты знаешь. Дом отойдёт округу. Или развалится.

Сэм повесил трубку. Посидел минуту, глядя в темноту за окном. Луна поднялась выше, и озеро теперь было не чёрным, а зеленовато-серым, как старая жесть. Что-то в этом цвете царапнуло его - не страх, нет. Смутное воспоминание. Такого же оттенка была вода в оросительном канале под Басрой перед тем, как колонна попала в засаду. Тогда он тоже заметил это краем глаза и не придавал значения. А потом начался ад.

Он надел лёгкую куртку, взял ключи от пикапа и вышел.

Лопату закинул в кузов - просто на всякий случай. Норман месяц назад просил перекопать клумбу под старой ивой. “Земля там какая-то мёртвая, - сказал он тогда, потирая поясницу. - Ничего не растёт, кроме сорняков. А сорняки какие-то... резиновые, что ли. Я такого раньше не видел. Пальцами их трогать противно - будто щупаешь что-то, чего не должно быть на грядке”.

Сэм тогда пообещал помочь, но всё откладывал. То не было времени, то настроения, то сил после очередной бессонной ночи. Теперь, возможно, уже поздно.

Участок Нормана находился на северном берегу, где земля была дешевле, а деревья старше. Дорога туда вилась через лес - десять минут тряски по грунтовке, усыпанной сосновыми иглами. Пикап подпрыгивал на корнях, фары выхватывали из темноты стволы деревьев, которые в этом свете казались не совсем живыми - слишком прямыми, слишком одинаковыми, как колонны в заброшенном храме. Сэм опустил стекло, и в салон ворвался запах. Не обычный лесной - хвоя, прелые листья, влажная земля. Что-то ещё, едва уловимое. Оно было похоже на запах старого радиоприёмника, который он разобрал в детстве и понюхал плату, потому что ему было интересно, чем пахнет электричество. Сладковатый, с химическим оттенком. Он списал это на воображение.

Участок встретил его тишиной. Той самой, новой, ватной. Даже ветер здесь, казалось, обходил это место стороной. Огромная плакучая ива росла прямо у воды - её ветви свисали до земли, образуя что-то вроде шатра. Норман говорил, что иве лет сто, не меньше, и что её посадил ещё первый владелец этих мест, какой-то судовладелец из Бостона, который спустя десять лет после этого сошёл с ума и утопился в озере. “Хорошая история для туристов, - смеялся Норман. - На самом деле иву посадил мой дед в тридцать втором. Просто он любил плакучие. Сказал, что дерево должно соответствовать климату. В Мэне, мол, погода располагает к меланхолии”.

Сэм припарковал пикап у покосившегося забора и заглушил двигатель. Вышел, взял из кузова лопату и большой фонарь на батарейках - тяжёлый, армейский, с металлическим корпусом, который можно использовать как дубинку, если что. Он не думал, что ему понадобится дубинка. Но старые привычки не умирают. Они просто засыпают и просыпаются, когда ты слышишь в тишине то, чего не должно быть.

Луна висела низко над озером — тяжёлая и жёлтая. Её свет заливал участок, и в этом свете всё казалось немного ненастоящим. Дом Нормана темнел в стороне - окна пустые, дверь закрыта, на крыльце валялся старый резиновый сапог, из которого рос какой-то сорняк. Сэм не пошёл к дому. Он пошёл прямо к иве.

Клумба под ней выглядела именно так, как описывал Норман. Земля была тёмной, почти чёрной, как будто её смешали с золой, и на ней действительно ничего не росло. Только в центре торчало несколько стеблей - толстых, бледно-зелёных, похожих на спаржу, которую забыли собрать и которая переросла во что-то несъедобное. Сэм коснулся одного носком ботинка. Стебель не сломался. Спружинил.

- Ладно, - сказал Сэм вслух. Просто чтобы услышать человеческий голос.

Он воткнул лопату в землю. Та поддавалась легко, слишком легко для августа. Обычно к концу лета почва здесь твердела, как бетон, - Сэм знал это, потому что каждый год помогал Саре с садом, пока они ещё были вместе. Сейчас же лопата вошла, как в масло. На третьем штыке она звякнула о металл.

Сэм остановился. Звук был глухой, но отчётливый - не камень. Камни звенят по-другому. Этот звук был тупым, как удар по пустой канистре. Он опустил на корточки и руками разгрёб влажную землю. Через минуту пальцы нащупали что-то холодное, гладкое, округлое. Он направил луч фонаря в яму.

Ржавый цилиндр размером с банку колы. Ржавчина по-

крывала его бока пятнами, как будто металл сопротивлялся коррозии и местами побеждал. Крышка сидела герметично - ни вздутия, ни щели. Сэм поднёс фонарь ближе, и на боку проступила маркировка. Нечёткая, выбитая старым штампом, но читаемая:

“V-07. Property of U.S. ChemTrust. For experimental use only. Batch 11/69”.

ChemTrust.

Название всплыло в памяти не сразу - как обломок дерева, который долго крутило на глубине и наконец выбросило на поверхность. Закрылись в 1971 году. Скандал. Иски от фермеров, у которых по берегам рек началидохнуть коровы, а у детей выпадать волосы. Газеты писали об этом пару недель, а потом забыли. Норман упоминал ChemTrust в одном из разговоров - говорил, что у него где-то есть папка с вырезками. “Они что-то сливали в озеро, Сэм. Не знаю, что именно. Но после семьдесят второго рыба пошла странная. С тремя глазами не ловили, врать не буду, но мясо стало сладким. Сладкая щука. Ты когда-нибудь ел сладкую щуку?”

Сэм тогда не придавал этому значения. Очередная байка старого Нормана.

Теперь он держал в руках доказательство того, что это была не байка.

Из кармана куртки он достал старый садовый секатор - подобрал его у крыльца Нормана по пути к иве на случай, если придётся резать сорняки. Вставил лезвие под край крышки. Та поддалась с тихим шипением - как будто внутри был вакуум, или, наоборот, давление. Сэм открыл цилиндр и осветил внутрь.

Там была жидкость. Маслянистая, без цвета, без запаха. Она не плескалась при движении, а словно перетекала, тяжёлая и густая, но при этом совершенно прозрачная. Сэм наклонил цилиндр, чтобы рассмотреть ближе, и несколько капель выплеснулись на землю.

Жидкость не впиталась в почву, как вода. Она исчезла. Мгновенно. Просто перестала существовать на поверхности, как будто земля всосала её с голодной жадностью. На месте капель не осталось ни следа - ни влажного пятна, ни изменения цвета. Только в висках застучало, как от первой затяжки после долгого перерыва, и Сэм вдруг почувствовал запах - тот самый, из леса. Сладковатый, химический. Только сильнее.

Он закрутил крышку обратно. Руки не дрожали. Это было плохим знаком - обычно, когда руки не дрожат, значит, он уже принял какое-то решение, сам того не заметив. Посидел на корточках ещё минуту, глядя на яму, на цилиндр,

на тёмную землю, которая только что поглотила вещество, созданное в лаборатории двадцать пять лет назад. Потом засыпал яму, вытер руки о штаны и пошёл к пикапу. Цилиндр он оставил в кузове, завернув в старую тряпку. Не знал, зачем. Просто чувствовал, что не должен оставлять его здесь. Что это - улика. Или предупреждение. Или ключ к тому, что случилось с Норманом.

Домой он вернулся в начале двенадцатого. Принял душ - горячий, почти обжигающий, - стоял под струями минут двадцать, глядя на кафель и ни о чём не думая. Потом лёг в кровать и долго смотрел в потолок, слушая, как за окном шумят сосны. Озеро было не видно, но он знал, что оно там. Чёрное, гладкое, ждущее.

В ту ночь ему впервые за полгода приснился Ирак.

Только это был не обычный кошмар - не тот, где он снова и снова нажимает на спуск, глядя, как из пыли выползает тёмный силуэт. В этом сне он стоял на берегу. Не на берегу озера Тихой Бухты - на берегу грязного оросительного канала, который тянулся вдоль дороги на Басру. Песок под ногами был серым от золы, и когда он делал шаг, песок превращался в зелёную тину, которая тянула его вниз, медленно, неумолимо. Он пытался идти, но ноги увязали, и каждый шаг давался труднее предыдущего. Вокруг стояла тишина -

не боевая, не гул моторов, а глубокая, водяная, как на дне колодца. И где-то на краю этой тишины кто-то пел. Тонкий женский голос. Или детский. Слов было не разобрать, но мелодия казалась знакомой, как колыбельная, которую он слышал в детстве, но забыл слова.

Он проснулся с криком. Крик упёрся в пустые стены дома и не вернулся эхом - просто умер, как умирают все звуки в этом месте. Часы на тумбочке показывали 3:47. Красные цифры горели в темноте, что заболели глаза.

Сэм сел на кровати, тяжело дыша. Пощупал шею - пульс частил, сбивался. За окном шумели сосны. Теперь этот шум казался ему не естественным, а механическим - как запись на зацикленной плёнке, которую кто-то включил и забыл выключить. Он просидел так до рассвета. А когда рассвет наконец пришёл - серый, робкий, просачивающийся сквозь занавески, как вода сквозь старую ткань, - Сэм встал, сварил кофе и сел к столу.

Из ящика стола он достал общую тетрадь в клетку и шариковую ручку. Старая армейская привычка фиксировать подозрительную активность. Может, от неё не было толку. Но она давала иллюзию контроля, а иллюзия контроля в его положении была ценнее реальности.

Он открыл тетрадь и написал:

“12 августа. Озеро странное. Вода чистая. Никогда такой не было. Норман пропал. Лодка пустая. Шериф думает, что утонул. Норман не пил. Под ивой нашёл цилиндр ChemTrust. Жидкость исчезла при контакте с землёй. Снился канал. И песок. И кто-то пел”.

Перечитал. Подумал. Дописал внизу:

“Норман не утонул. С ним что-то случилось. С озером что-то случилось. Я узнаю, что”.

Закрыв тетрадь. Посмотрел в окно. Солнце поднималось над соснами, и озеро блестело в его лучах, как осколок бутылочного стекла. Красивое. Слишком красивое для места, где пропадают люди.

ГЛАВА 2

Прошла неделя. Сэм пытался забыть о цилиндре и пропавшем Нормане, но не мог. Мысль о старике сидела в голове, как заноза под ногтем - не смертельно, но дёргает при каждом движении. Он звонил шерифу Бейкеру трижды за эту неделю. Ответ был один и тот же: “Тела нет. Озеро не отдаёт. Бывает”.

В понедельник Бейкер сказал: “Мы прочесали берег, опросили соседей. Никто ничего не видел”.

В среду: “Сэм, я понимаю, ты переживаешь. Но у меня в

участке три человека, и у всех есть дела поважнее, чем искать старика, который, скорее всего, просто утонул”.

В пятницу: “Послушай. Если тело не всплыло через неделю - оно уже не всплывёт. Его могло затянуть в подводные полости. Там, на глубине, есть старые шахты, которые соединяются с озером. Если Норман попал туда - мы его никогда не найдём. Смирись”.

Сэм не смирился. Он повесил трубку и долго стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу. Подводные полости. Шахты. Он вспомнил, что говорил Бен Галлахер на заправке - что-то про старые выработки выше по течению, куда ChemTrust сливала отходы. Тогда он не придавал этому значения. Теперь эта мысль крутилась в голове, как заезженная пластинка.

Каждую ночь он просыпался в одно и то же время. Без будильника, без видимой причины. Просто открывал глаза в темноте, смотрел в потолок и слушал. Слушал тишину. Она стала другой. Раньше по ночам озеро жило своей жизнью: лягушки орали у камышей так, что стёкла дрожали, сверчки стрекотали в траве, иногда громко плескала хвостом щука. Этот плеск Сэм помнил с детства - глухой удар по воде, как будто кто-то бросил камень, только камень падал снизу вверх. Теперь - ничего. Ни лягушек, ни сверчков, ни щук.

Сэм говорил себе, что это просто август. Просто жара. Просто всё живое попряталось от духоты и ждёт дождя. Но где-то глубоко, в том месте, где засела память о дороге на Басру и о колонне, растянувшейся на три мили под палящим солнцем, он знал: когда вокруг становится слишком тихо - жди беды. В пустыне тишина наступала перед засадой. Птицы замолкали первыми. Потом ветер. Потом даже песок, казалось, переставал шуршать. А потом из этой тишины вылетали пули.

Сны стали ярче. Детальнее. Он помнил их теперь не обрывками, а целиком - с цветом, с запахом, со звуками, которых не могло быть. Ему снился Ирак, но Ирак, смешанный с озером, как будто кто-то наложил две фотографии друг на друга и не мог решить, какую оставить. Песок под ногами становился зелёной тиной. БТР, на котором он ехал, превращался в старую рыбацкую лодку Нормана, и она медленно погружалась в воду, а он не мог пошевелиться. Из тумана выплывали лица, которых он никогда не видел. Старуха в чёрном платке, стоящая у дороги с поднятой рукой - он помнил её, она стояла там в девяносто первом, в тот самый день, и что-то кричала, но он не слышал из-за гула двигателя. Мальчик с велосипедом, смотрящий прямо в объектив его прицела. И Норман - мокрый, улыбающийся, с водорослями в седых волосах. Норман ничего не говорил. Просто стоял по пояс в воде и кивал: *давай, Сэм, иди сюда, тут хорошо. Тут*

нет песка. Тут только покой.

На седьмой день он заметил первую странность наяву. Не во сне. Не в голове. Прямо перед собой.

Озеро стало кристально чистым.

Не “чище, чем обычно”. Не “после дождей вода немного посветлела”. А таким, каким оно не было никогда за те двадцать с лишним лет, что Сэм жил в Тихой Бухте. Даже старики - те, кто ещё помнил озеро до того, как выше по течению построили фермы и в воду начали стекать удобрения, - даже они говорили, что вода в Тихой Бухте всегда была немного мутной. “Чайный цвет”, - называла это миссис Грин. – “Как чай, который заварили слабо и забыли выпить”. Теперь чай исчез.

Сэм стоял на своём причале и смотрел вниз. Он видел дно на глубине трёх метров. Камни, поросшие тёмно-зелёным мхом. Коряги, похожие на скрюченные пальцы. Старую автомобильную крышку, которую кто-то утопил здесь году в восьмидесятом. Ржавую детскую коляску с одним колесом - она лежала на боку, и из неё росла какая-то бледная водоросль, колышущаяся в такт подводному течению. Сэм помнил эту коляску. Он сам утопил её здесь в семьдесят восьмом, когда ему было двенадцать, а его младшая сестра уже

выросла из неё. Они с пацанами соревновались, чей предмет пролежит на дне дольше. Коляска лежала до сих пор. Теперь её было видно так ясно, будто она висела в воздухе.

Вода была прозрачной, как слеза. И от этого казалась мёртвой. Как аквариум в зоомагазине, из которого выловили всю рыбу, а воду забыли слить. Сэм наклонился и зачерпнул горсть. Вода стекла сквозь пальцы - холодная, чистая, без запаха. Но что-то было не так. Она стекала слишком медленно. Слишком неохотно. И на коже осталось ощущение плёнки. Как будто он не воду трогал, а что-то более густое. Что-то, что не хотело отпускать.

Он вытер руку о штаны и пошёл к участку Нормана.

Трава на том месте, куда пролилась жидкость из цилиндра, вымахала за неделю до пояса. Сэм не был у ивы с той ночи и теперь не узнавал клумбу. Стебли торчали густо, плотно, как щетина, и были неестественно яркого, изумрудного цвета. Такой цвет бывает только у пластиковых газонов на рекламных щитах. Или у вещей, которые никогда не были живыми, но притворяются. Сэм сорвал один стебель. Тот не сломался. Он растянулся, как резиновая трубка, и на месте разрыва выступила капля жидкости - такая же маслянистая, без цвета и запаха, как та, что была в цилиндре.

Сэм сжал стебель сильнее. Капля упала на землю и мгновенно исчезла - точно так же, как тогда, ночью. Ни следа, ни пятна, ни изменения цвета почвы. Только в голове что-то поплыло - не боль, а скорее лёгкое смещение, как будто мир на секунду сдвинулся на градус вправо и тут же вернулся обратно. И ещё - слабый, едва уловимый звук. Как будто далеко-далеко кто-то вздохнул. Или выдохнул под водой.

Он бросил стебель на землю и отступил на шаг. Ладонь зудела. Он посмотрел на неё - кожа покраснела, но не сильно, как от прикосновения к крапиве. Он снова вытер руку о штаны и пошёл обратно к пикапу. Не оборачиваясь. Ему не хотелось смотреть на иву. Ему казалось, что она смотрит на него сама.

В тот вечер он снова сел за дневник. Открыл страницу за 12 августа. Перечитал свою запись - короткую, сухую, как армейский рапорт. Он перевернул страницу и написал:

"19 августа. Вода чистая до дна. Никогда такой не было. Трава у ивы Нормана высокая, резиновая, странного цвета. При касании выделяет такую же жидкость, как в цилиндре. Жидкость исчезает при контакте с землёй. Вызывает головокружение. Ладонь зудит. Ночью тишина. Живности нет. Норман не найден. Просыпаюсь каждую ночь. Сны смешиваются с реальностью".

Перечитал. Дописал внизу:

“Норман не пил. Шериф врёт или не хочет видеть. С озером что-то происходит. Это связано с цилиндром. Нужно узнать больше о ChemTrust и V-07”.

Захлопнул тетрадь и вышел на крыльцо.

Вечер был душным, безветренным. Солнце садилось за холмы, окрашивая озеро в болезненно-розовый цвет, какой бывает у кожи, обожжённой кипятком. Сэм стоял, облокотившись на перила, и смотрел на воду. Он уже собирался уходить, когда заметил движение на берегу у дома Миллера.

Миллер с Лейк-стрит сидел в своём старом алюминиевом шезлонге у самой кромки воды. Сэм знал его десять лет - толстый, лысеющий мужик лет пятидесяти, который работал бухгалтером в окружной администрации и ненавидел всё живое. Детей - потому что они шумят. Собак - потому что они гадят на газон. Туристов - потому что они оставляют мусор. Громкую музыку - потому что она мешает ему слушать тишину. Обычно Миллер сидел на своём крыльце с банкой пива и ворчал на всё подряд. Иногда он заходил к Сэму - без приглашения, просто потому что больше не к кому было зайти - и жаловался на рыбаков, которые оставляют на берегу крючки и леску, на городской совет, который не чинит дорогу, на жену, которая уехала к сестре в Портленд и не звонит уже месяц.

Сегодня он сидел лицом к воде, молча, и улыбался.

Сэм спустился с крыльца и пошёл по берегу. Что-то в этой улыбке было не так. Не “не так”. А категорически, фундаментально неправильно. Миллер никогда не улыбался. Даже когда выигрывал в лотерею десять долларов. Даже когда его тёща сломала ногу и не могла приехать на Рождество - он хмурился и говорил: “Ну, хоть что-то хорошее”. А теперь он сидел и улыбался, как ребёнок, которому показали фокус.

- Миллер, - позвал Сэм.

Тот не ответил. Не обернулся. Его глаза, широко открытые, блестящие, как поверхность воды в полдень, смотрели на горизонт. Зрачки были огромными - чёрными дырами, в которых исчезала радужка. Сэм видел такие зрачки только однажды: у парня в пустыне, который сидел на какой-то местной дряни и не реагировал ни на что, кроме собственного пульса. Только Миллер не выглядел обдолбанным. Он выглядел... счастливым. И это было хуже.

- Миллер, ты меня слышишь?

- Тихо, - сказал сосед, не отрывая взгляда от горизонта. Голос у него был мягкий, почти ласковый - таким голосом он никогда не говорил. - Слышишь? Она поёт.

Сэм прислушался. Ветер шумел в соснах. Где-то далеко, на другом берегу, кричала чайка - резко, надрывно, как будто её что-то испугало. Собственное сердце бухало в ушах. Никакого пения не было.

- Кто поёт?

- Вода.

Миллер повернул голову. Медленно, очень медленно, как будто его шея была ржавым механизмом, который не смазывали годами. Его улыбка стала шире. Сэм увидел, что губы у него сухие, потрескавшиеся, а на зубах - какой-то серый налёт. Как будто он пил воду из лужи.

- Она поёт про покой, Сэм. Ты не слышишь? Ну ничего. Скоро услышишь. Все слышат. Просто надо перестать бояться. Когда перестанешь - она тебя примет. Она всех принимает. Даже таких, как ты. Даже таких, как я.

- Что ты несёшь?

- Я ничего не несу, - Миллер снова повернулся к озеру.
- Я просто слушаю. Впервые за всю жизнь я не хочу, чтобы всё заткнулось. Впервые за всю жизнь я не злюсь. Ты пони-

маешь, что это значит - не злиться? Совсем? Вообще? Там, - он кивнул на озеро, - нет злости. Там только тишина. И покой. И она поёт. Она поёт для всех, кто устал.

Сэм отступил на шаг. Ему вдруг стало холодно, несмотря на духоту. Миллер говорил как человек, который принял решение. И это решение было не его. Или его - но внушённое чем-то извне. Как будто кто-то вскрыл его череп, нашёл там ненависть ко всему живому и заменил её на что-то другое. Что-то, что улыбалось и слушало песню, которую невозможно услышать.

- Ты пил воду из озера? - спросил Сэм.

- Вода - везде, - ответил Миллер. - Она в земле. Она в воздухе. Она во мне. Она в тебе. Ты просто ещё не понял.

Сэм развернулся и пошёл обратно. За спиной он слышал, как Миллер начал что-то напевать - тихо, без слов, одну и ту же мелодию. Простую. Как колыбельная. Мелодия была знакомой. Сэм не мог вспомнить, где её слышал. Но где-то в глубине души он знал: он слышал её во сне. В том самом сне, где песок превращался в тину, а из тумана выплывали лица мёртвых.

Дома он закрыл дверь на засов - чего не делал никогда - и

сел у окна. Руки не дрожали. Это было плохим знаком.

... На следующее утро он поехал на заправку Бена Галлахера.

Заправка стояла на перекрёстке у выезда из города - старая, с ручной колонкой, которая щёлкала при каждом галлоне, и вывеской "GALLANER'S GAS & BAIT", на которой буква "G" висела на одном гвозде и раскачивалась при ветре. Это было единственное место в городе, где можно было купить кофе, бензин, наживку и местные сплетни в одном флаконе. Бен держал заправку тридцать лет, знал всех в округе и считал, что мир делится на две категории: то, что можно пощупать руками, и чушь. Ко всему, что попадало во вторую категорию, он относился с одинаковым презрением - будь то религия, политика или новости про НЛО.

Сэм вошёл под навес, где пахло бензином, маслом и старым кофе. Бен был за прилавком - крупный, краснолицый мужик с седыми усами, вечной зубочисткой в углу рта и руками, которыми он мог закрутить гайку без гаечного ключа. Перед ним лежала газета "Портленд Пресс Геральд", раскрытая на странице с комиксами. Он доедал пончик, и сахарная пудра осыпалась на газету.

- Сэм, - кивнул он, не отрываясь от чтения. - Слышал про

Нормана. Жалко старика. Хороший был. Станный, но хороший.

- Есть, - поправил Сэм. - Он есть. Тела не нашли.

Бен поднял глаза. Зубочистка в его рту замерла.

- Не нашли - значит, утонул. Озеро большое. Глубина - тридцать метров у плотины. В прошлом году туриста из Мас-сачусетса три недели искали. Нашли у плотины, распухшего, как бочка. Рыбы поработали, сам понимаешь. Я говорил шерифу - надо нырять с аквалангами. Он сказал, нет бюджета. Нет бюджета - ищите сами. Вот и ищут.

- Норман не пил.

- Все пьют, Сэм. Кто-то виски, кто-то пиво, кто-то воду. Вода, кстати... - Бен отложил газету и посмотрел в окно, за которым блесло озеро. - Ты заметил? Я сорок лет тут живу. Никогда такой воды не видел. Прозрачная, как водка. Честное слово, я вчера вышел на берег и увидел дно. Дно! Ты понимаешь? Я помню это озеро ещё с семидесятых, когда мой отец держал лодочную станцию. Тогда вода была как чай. А теперь - как слеза. Может, экологи постарались. Или ChemTrust наконец перестала гадить из могилы.

Сэм напрягся. Услышать это название второй раз за неделю - это не могло быть совпадением. Совпадений вообще не бывает, так говорил его сержант в учебке. Бывает только нежелание замечать закономерности.

- При чём тут ChemTrust? - спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Бен пожал плечами, вытащил зубочистку изо рта и почесал ею за ухом.

- Да так. Старые байки. В шестидесятых у них был завод в Милфорде. Химикаты, консерванты, что-то для военных - никто толком не знал. Они сливали отходы в старые угольные шахты выше по течению. Шахты эти соединяются с подземными водами, а те питают озеро. Когда фермеры подняли шум - у них коровы дохли, а у детей волосы выпадали, - ChemTrust прикрыли. Но то, что они слили, осталось в земле. Может, химия за столько лет разложилась. Может, вымылась. Может, осела на дно. Я не химик, Сэм. Я бензином торгую. Но туристы довольны. Уже четверо звонили, спрашивали про домики на берегу. Четверо за неделю! Для августа это аншлаг. Обычно в это время тут ни души, все едут на побережье. А теперь, - он развёл руками, - чистое озеро, тёплая вода, красота. Если озеро решило стать чистым - я только "за". Меньше ряски - больше денег.

Сэм посмотрел в окно. Озеро лежало в утреннем свете - гладкое, блестящее, как натёртое стекло. Оно выглядело приглашающе. Слишком приглашающе. Как ловушка.

- Бен, - сказал он медленно, - ты помнишь что-нибудь конкретное про ChemTrust? Что именно они сливали? Были какие-то статьи, расследования?

Бен задумался, почесал усы, стряхнул с них сахарную пудру.

- Ну, была одна история. Её мало кто помнит. В семьдесят первом у них что-то прорвало - трубу или цистерну, не знаю. Вонь стояла на весь округ. Моя жена тогда сказала: "Если это продлится ещё день, я уезжаю к матери". Говорили, что в шахты попало что-то экспериментальное. Какой-то консервант для биологических образцов. Военная разработка. Его вроде как даже не испытывали толком - сразу в производство запустили, потому что контракт с Пентагоном висел. А потом - бах, скандал, завод закрыли. Бумаги изъяли. Даже в местной газете только пара заметок вышла, и те - на последней полосе, между объявлениями о продаже тракторов и некрологами. Всё замяли быстро. Оно и понятно: кому нужны проблемы с военными?

Сэм почувствовал, как внутри что-то сжалось. Консервант для биологических образцов. Военная разработка. Не испытан. Слит в землю. И теперь - чистое озеро, резиновая трава, исчезающая жидкость и люди, которые слышат пение воды.

- У тебя есть те заметки? - спросил он.

- У меня? Нет. Я газеты не храню - у меня от них пыль и мыши. Но у Нормана были. Он вообще собирал всё, что касалось ChemTrust. Говорил, что это “историческая несправедливость” и что он хочет написать статью в какой-нибудь исторический журнал. Я смеялся: кому это интересно через двадцать лет? А он говорил: “Тем, кто пьёт воду из озера, Бен. Тем, кто пьёт воду”.

Сэм купил пачку сигарет, хотя не курил уже два года, и вышел. Бен смотрел ему вслед, постукивая зубочисткой по зубам. У двери он окликнул его:

- Эй, Сэм.

Сэм обернулся.

- Ты это... не бери в голову. Норман был старый. Со стариками всякое случается. Может, у него сердце прихватило,

когда он рыбачил. Может, просто поскользнулся. Не выдумывай себе лишнего. А то знаю я вас, ветеранов. Вы во всём ищите заговор.

Сэм ничего не ответил и вышел. В машине он закурил - с непривычки дым обжёг горло, заставил закашляться. Он опустил стекло и глубоко вдохнул горячий августовский воздух, в котором теперь ему чудился сладковатый, химический запах. Или уже не чудился.

Он думал о словах Бена. “У Нормана были”. Папка с вырезками. Норман упоминал её в одном из разговоров - говорил, что собирал материалы годами, что это единственное в своём роде досье, которое могло бы пролить свет на то, что случилось с городом в семидесятых. Сэм тогда не проявил интереса. Теперь он готов был отдать что угодно, чтобы заглянуть в эту папку.

Но дом Нормана был заперт. Или не заперт? Он не проверял в ту ночь, когда нашёл цилиндр. Его тянуло к иве, к клумбе, а дом стоял в стороне - тёмный, молчаливый, с пустыми окнами. Как будто ждал.

Вечером он снова сел за дневник. Открыл страницу за 19 августа, чтобы дописать разговор с Беном. И замер.

Внизу, под его утренней записью, появились ещё две строки. Тем же почерком. Его собственной шариковой ручкой, которая лежала тут же, на столе, и которой он не касался с тех пор, как захлопнул тетрадь утром.

“Вода зовёт. Я слышу её ночью. Она поёт про покой. Про песок, который не засасывает. Там, на дне, нет вины. Там только тишина”.

Сэм отшатнулся от стола. Стул заскрежетал по полу. Он посмотрел на свою правую руку - чернил на пальцах не было. Он не помнил, чтобы писал это. Он вообще не помнил, чтобы сидел за стол после утра.

Он схватил тетрадь и перелистнул назад. Запись за 12 августа. Та, первая. Он перечитал её трижды. Слово “вода” встречалось на странице шесть раз. Он не писал его шесть раз. Он писал: “Озеро странное. Вода чистая”. Один раз. Теперь слово “вода” расползлось по странице, как плесень - в середине предложений, на полях, между строк. Будто кто-то вписывал его снова и снова, одержимый одной мыслью.

Он перелистнул дальше. Запись за 15 августа — короткая, на полстраницы, он помнил её дословно: “Звонил Бейкеру. Ничего нового. Спал плохо. Снился канал”. Теперь под этой записью было ещё полстраницы. Мелким, убористым почерком - его почерком, но каким-то... более аккуратным, что ли. Как будто он писал это в трансе, стараясь вывести

каждую букву.

“Цилиндр был просто контейнером. То, что внутри, - это не жидкость. Это среда. Она не умирает. Она ждала двадцать лет. Теперь она проснулась. Она в земле. Она в траве. Она в воде. Она во мне. Я чувствую её, когда просыпаюсь. Она не враг. Она не друг. Она просто есть. Она хочет, чтобы я перестал бояться. Она говорит, что автобус - это не моя вина. Она говорит, что розовая туфелька - это не моя вина. Она говорит, что на дне нет песка. Только покой”.

Сэм выронил тетрадь. Она шлёпнулась на пол и раскрылась на странице, где слово “вода” было подчёркнуто двенадцать раз подряд, как будто кто-то учился писать. Или как будто кто-то пытался достучаться до него через это слово. Через одну-единственную мысль.

Он сел на пол. Прямо на линолеум, привалившись спиной к холодильнику. Холодильник гудел - ровно, монотонно. Этот звук был единственным доказательством того, что мир ещё не сошёл с ума окончательно. Или сошёл, но холодильник об этом не знает.

Он сидел и думал о том, чего не могло быть: о том, что кто-то - или что-то - пишет ему послания его собственной рукой. О том, что слова на бумаге меняются задним числом. О том, что он не помнит, как садился за стол. О том, что во рту у него пересохло, а пить воду из-под крана он больше не

хотел.

Ночью он проснулся от жажды. Во рту было сухо, как в пустыне. Язык прилипал к нёбу. Он встал, пошёл на кухню в темноте, по памяти добрался до раковины, открыл кран. Вода хлынула - холодная, чистая. Он поставил стакан, наполнил его до краёв и поднёс к губам.

И остановился.

В нос ударил запах. Тот же, что шёл от травы у ивы Нормана. Только слабее. Едва уловимый. Как будто кто-то распустил в воде одну-единственную каплю того, что было в цилиндре.

Сэм вылил воду обратно в раковину. Потом посмотрел на мусорное ведро в углу кухни. Он помнил, как вырвал страницу с подчёркнутым словом “вода”, смял её и бросил туда. Ведро было пустым. Ни смятой бумаги, ни расправленной. Просто пустое пластиковое ведро, которое он забыл вынести.

Он поставил стакан на стол и сел на стул. Посидел минуту. Потом встал, подошёл к холодильнику и достал бутылку пива. Тёплого. Того самого, дешёвого, которое он купил неделю назад и так и не допил. Открыл, сделал глоток. Пиво от-

давало жостью, но хотя бы пахло пивом, а не химией.

Он пил его и смотрел в окно. Озеро лежало в лунном свете - гладкое, чёрное, с серебряной дорожкой. И где-то там, на глубине, лежал Норман. Или не лежал. Или стоял. Или сидел на дне, опутанный корнями, и улыбался. И слушал, как вода поёт ему колыбельную.

Сэм допил пиво, поставил бутылку на стол и закрыл глаза. Утром он поедет к дому Нормана. За папкой. За вырезками. За правдой, какой бы она ни была.

А пока - нужно просто дожить до утра.

ГЛАВА 3

Майкл Салливан жил через дорогу от Сэма - в аккуратном жёлтом доме с белыми ставнями, который его мать, вдова, содержала в таком порядке, что соседи шутили: там можно делать операцию на мозге прямо на кухонном столе. Газон перед домом был подстрижен ровно, без единого одуванчика, а на крыльце стояли два глиняных горшка с геранью - красной и розовой, - которые миссис Салливан поливала каждое утро, ровно в семь, до того, как уйти на смену в окружную библиотеку. Сэм видел это из своего окна много раз: худая женщина в сером халате, с лейкой в одной руке и чашкой кофе в другой, методично обходит свои владения,

как капитан обходит палубу перед штормом.

Майклу было шестнадцать. Он носил очки с толстыми стёклами в дешёвой металлической оправе, которые постоянно сползали на кончик носа, футболки с логотипами компьютерных фирм – “Compaq”, “Intel”, “Microsoft”, - и имел репутацию “странного парня”, потому что предпочитал возню с электроникой общению со сверстниками. В школе его не травили - просто не замечали, что, по мнению Сэма, было даже хуже. Он помнил, каково это - быть невидимым. В армии невидимость была преимуществом. В школе она была приговором.

Отец Майкла, инженер-электронщик, погиб два года назад в автомобильной аварии на шоссе I-95 под Бостоном. Грузовик с прицепом выехал на встречную полосу в дождь. Газеты написали: “Водитель грузовика уснул за рулём”. Майкл говорил: “Он не уснул. У него отказали тормоза. Я читал отчёт”. Он всегда читал отчёты. Ему нужно было знать, как всё работает. Даже если это “всё” было смертью его отца.

С тех пор Майкл снимал всё подряд на камкордер “Panasonic”, который отец привёз из последней командировки в Японию. Камера была громоздкой, тяжёлой - почти три килограмма с аккумулятором и кассетой, - писала на маленькие кассеты VHS-C и требовала отдельного адаптера

для просмотра на обычном видеке. Адаптер был пластиковой коробкой размером с саму кассету, с хрупким зубчатым механизмом внутри, который вечно зажёвывал плёнку, если вставлять его неправильно. Майкл знал, как вставлять правильно. Он вообще многое знал о вещах, которые другие люди считали бесполезным хламом.

Он таскал камеру повсюду. Белки на заднем дворе, закаты над озером, утки у камышей, соседская кошка, которая охотилась на мышей в кустах, мусоровоз по четвергам - всё попадало в объектив. Мать говорила, что это его способ справиться с потерей. “Он пытается сохранить мир, - сказала она однажды Саре, когда та ещё жила с Сэмом и они вместе ходили на воскресную проповедь - Потому что мир отнял у него отца, и он боится, что отнимет ещё что-нибудь”. Сара потом пересказала это Сэму, и он запомнил. Не потому, что его интересовали чужие дети. А потому, что он понимал этот страх лучше, чем хотел признавать.

Узнав о чистом озере, Майкл, разумеется, побежал туда с камерой. Это было событие. Местная легенда: озеро Тихой Бухты, которое старожилы называли “Зелёной лужей” за вечную муть и ряску, вдруг стало прозрачным, как горный ручей в рекламе “Эвиан”. Майкл хотел заснять дно, камни, может быть, рыбу - и показать на уроке биологии, чтобы миссис Харпер, их учительница, наконец заткнулась про “совре-

менных детей, которые не интересуются природой”. Майкл хотел доказать, что интересуются. Просто природа должна быть достойной интереса.

Он пошёл к озеру в понедельник утром, сразу после того, как мать уехала в библиотеку. День был солнечным, жарким, и вода блестела так, что приходилось щуриться. Майкл зашёл по колено в воду у старой ивы Нормана - той самой, где корни уходили в глубину, образуя подводную пещеру, - включил камеру и начал снимать.

Он снимал примерно час. Записал три кассеты: одну - общие планы озера, вторую - макросъёмку водорослей и камней на мелководье, третью - свои ноги, песчаное дно и то, как солнечные блики играют на поверхности. Последняя кассета была его любимой. Он называл это “субъективной съёмкой” - когда камера становится глазами оператора. Его отец говорил, что лучшие документалисты всегда снимают так, будто камера - это часть тела. “Ты не смотришь в видоискатель, Майкл. Ты смотришь через него. Разница огромная”.

Через два дня после съёмки он постучал в дверь Сэма.

Было семь вечера. Солнце ещё висело над соснами, но тени уже стали длинными, неестественно вытянутыми, как будто предметы пытались дотянуться до озера раньше, чем

наступит темнота. Сэм открыл дверь и увидел Майкла на крыльце - бледного, с красными глазами, в мятой футболке с надписью “Intel Inside”, которая была ему велика на размер. Он прижимал к груди кассету VHS-C в прозрачном пластиковом футляре. Пальцы у него дрожали.

- Мистер Тернер, - сказал Майкл. Голос был не подростковый, ломкий, как обычно, а какой-то придавленный, будто он говорил сквозь подушку. - Можно посмотреть запись на вашем телевизоре? У нас видак сломался. Зажёвывает плёнку. А у вас есть.

Сэм посмотрел на кассету. Потом на Майкла. Потом снова на кассету. Он знал этот взгляд. Так смотрят люди, которые увидели что-то, чего не должно быть, и теперь не могут решить - рассказать кому-то или забыть, как страшный сон. Но забыть не получается. Никогда не получается.

- Что там? - спросил Сэм.

- Озеро. Я снимал озеро. И там... - Майкл сглотнул. Кадык дёрнулся. - Я не знаю, что там. Мне кажется, я сошёл с ума. Или камера сошла с ума. Или и то, и другое.

Сэм вспомнил страницу дневника, которую не писал. Вспомнил Миллера с его влажными глазами и словами про

пление. Вспомнил траву у ивы Нормана - изумрудную, резиновую, пахнущую химией. Вспомнил, как жидкость из цилиндра исчезла в земле, будто её и не было.

- Заходи, - сказал он.

В доме пахло старым кофе. Сэм не убирался уже неделю - всё было некогда, да и не хотелось. На журнальном столике валялись пустые банки из-под пива, старая газета и кружка с засохшим кофейным осадком на дне. Майкл оглядел комнату с любопытством, но без осуждения. В его взгляде было что-то ещё - узнавание. Как будто он видел похожий беспорядок у себя дома. Или у своего отца, когда тот возвращался из долгих командировок и не мог найти себе места в собственном доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.